

15. Пятаева Н.В. Антропоцентрический принцип современного языкознания и понятие картины мира [Электронный ресурс] // Филологический класс. – 2004. – № 12. Режим доступа – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentricheskiy-printsip-sovremennogo-yazykoznanija-i-ponyatie-kartiny-mira> (дата обращения: 10.04.2018).

16. Титаренко И.С. Теоретические исследования картины мира [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.rusnauka.com/26_SSN_2010/Philologia/71623.doc.htm.

17. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике: монография / Е.В. Урысон; Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянских культур, 2003. – 225 с.

18. Хроленко А.Т. Вопросы лингвокультурологии [Текст] // Вопросы языкознания – 2008. – № 3. – С. 47.

19. Ярцева К.В. Понятие «Картина мира». Адаптивная функция картины мира [Электронный ресурс] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. – № 4. Режим доступа – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kartina-mira-adaptivnaya-funktsiya-kartiny-mira> (дата обращения: 5.04.2018).

Сведения об авторе

Алексеева Анастасия Валерьевна, аспирант Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.
E-mail: a_disinchuk@mail.ru.

УДК 141.8

ББК 87.3(4Рос)

Бойчук С.С.

ПАРАДОКСЫ И ПРЕДЕЛЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ (КАЗУС НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА В БУРЯХ ВЕКА)

В статье рассматриваются особенности поэтики мышления и судьбы Николая Бердяева, понятых в качестве выражения экзистенциальных и гносеологических характеристик познавательной стра-

тегии «русской философии». Раскрыты сущностные пределы данной модели философии.

Ключевые слова: философия, экзистенциализм, Н. Бердяев, русская философия.

Boyчук S.S.

PARADOXES AND LIMITS OF THE RUSSIAN PHILOSOPHY (THE BERDIYAEV'S INCIDENT IN THE STORMS OF THE CENTURY)

The features of the poetics of thinking and the fate of Nikolai Berdyaev, understood as an expression of the existential and epistemological characteristics of the cognitive strategy of «Russian philosophy» are considered in the article. The essential limits of this model of philosophy are shown.

Key words: philosophy, existentialism, Berdyaev, Russian philosophy.

Цель данной работы – показать особенности экзистенциального и гносеологического своеобразия интеллектуальных поисков Николая Бердяева в контексте общей духовной ситуации эпохи слома классических интеллектуальных структур.

Хайдеггер неоднократно сожалел о том, что в Германии, как и в других частях цивилизационной ойкумены, не оставленных на произвол истории мировым духом, совершенно никто не читает досократиков. Вместо вопрошания Гераклита или Парменида, интеллектуальный взор профессиональных и «частных» мыслителей все чаще оказывался направленным в сторону речей многочисленных сиюминутных гуру, крикливых халифов на час, умело балансировавших между сокрытостью и проявленностью истины [1, с. 385]. Лидеры гонки вопрошания сменялись с такой скоростью, что оставленный ворох записочек с вопросами о последнем образовывал прекрасные симметричные узоры дублированных изображений детского калейдоскопа. Оказавшись в ловушке непостоянства чаяний экзальтированных слушателей, Маркс, Фрейд, Маркузе были оттеснены в пыльные кулисы Делезем, Фуко, Лаканом, а востребованность эпохой и газетная способность откликаться на любые колебания атмосферы заменили собой глубинную несвоевременность философии как экстремального чудачества у предельных оснований сущего. Сложившаяся на протяжении лет заката сложная кривая обращений явно не соответствовала классическому канону декартовой системы координат и свидетельствовала о забвении подлинного логоса.

Дао вопрошания (а мы помнил, что Хайдеггер отмечал: вопрошать – это, прежде всего, прокладывать путь [1, с. 251]) в лучших традициях китайского молчания об иллюзорности мира обернулось разговорами на проселочной дороге не только в книжном формате запоздалого чтения, но и в бытийном срезе тишины колокольного ландшафта Европы. Пафос отказа обернулся эпитафией оставленности, зов бытия заурчал торжественными маршами. На этом фоне угасания божественного огня мудрости и повседневной гибели кумиров одной из неизменных величин невозможных в катастрофическом опыте философской воронки двадцатого столетия казался запрос на творчество Николая Бердяева. В отличие от большинства коллег по цеху, которым часто не везло с читателями, литературная судьба скромного «моралиста, историка и теософа» отличалась поразительно стабильным успехом.

Востребованность мыслей этого странного «ничьего человека» нарушала логику неуместности рефлексии в объятиях бури: ему с восторгом внимали не только гимназистки и «русские мальчишки» по углам трактиров в перерыве между спорами, но и серьезные профессора с европейскими дипломами. В итоге «апокалиптическое кокетство» (изысканная оценка особенности русской философии, предложенная Кареном Свасьяном [2, с. 56-57]) заезжего чародея из России сводило с ума и соблазняло западных интеллектуалов, создавая ему в Старом Свете репутацию самого выдающегося русского философа. Данный брэнд до такой степени прочно закрепился за пламенным борцом «с конечностью ради бесконечности» (собственная оценка из «Самопознания» [3, с. 84]), что рядом с его персоной не было уже места никому кроме тех, о ком он сам иногда писал, или приглашал временными попутчиками.

Поставленный эксперимент над истиной удался, и волею судеб, и прежде всего благодаря содействию эпохи глобального разрыва, Бердяев оказался на пересечении многочисленных разломов в качестве энтелехии такого сложного, и неоднозначного феномена как русская философия. Великолепный фокусник, умело достававший из пустого магического цилиндра за уши Канта, Маркса, Франциска Ассизского и демонстрировавший публике чудеса духовного брака, был безупречен и прекрасен. При этом он выполнил функцию идеального посредника между мирами и занял то единственное место репрезентанта, для которого, в сущности, и был подготовлен всем противоречивым процессом собственного интеллектуального роста. Другими

словами: загадочный самоучка оказался в меру оригинальным и экзотичным, западным и азиатским, мистичным и понятным, поверхностным и экзистенциально высокопарным, легкомысленным и парадоксальным, то есть именно таким, что бы быть наиболее востребованным и услышанным самыми широкими массами интеллектуальной элиты.

Пытаясь объяснить формулу успеха столь авантюрных экзистенциальных поисков, по-змеиному завороживших многочисленных вопрошающих птичек, Иван Ильин в язвительной сказке «Гений» главной причиной всеобщего восхищения объявил «мировую смуту». Именно хаос всеохватывающего шутовского танца поверх себя привел одинокого, пишущего для себя, часто малопонятного и мало приемлемого субъективного отталкивания от ужасов действительности к шапочке Мастера, «философскому колпаку Егора Федоровича».

Тот самый ужасный канто-крупповский бронированный кулак, что так напугал русскую мысль, в союзе с моргающим поколением, сбросившим отрывки досократиков с цеппелина современности, позволил ловить рубку в нечистом водоеме и искренне созерцать отсутствующее. Многогранное творчество метафизического анархиста или авторское разноголосие господина «Белибердяева» явилось миру идеально чистой доской, на который каждый по собственному усмотрению выводил любые надписи, а потом объявлял их высшей истиной. Именно поэтому произведения Бердяева как «писателя дерзкого по преимуществу» (Л. Шестов) можно восхищенно читать, исследовать, с энтузиазмом цитировать отдельные фразы или с особым наслаждением критиковать «отсебятину» дилетанта. Все эти способы познания и присвоения фантасмагории парадоксальных разговоров *sub specie aeternitatis* создают интересную картину реальных и иллюзорных смысловых напряжений, открывающих интересные разломы, как серебряного века, так и в целом познания.

Освобождение от ценностей самодисциплины и причастности к истине привело к деконструкции традиционного образа мыслителя как чудотворца, идущего путем добродетели, разумного правителя, живущего доблестью «исправления имен», сдержанного в мужестве приятия ананке или философа-стража, воспетого Платоном. Если данные парадигмы личностных стратегий, предполагавшие идеал управления непредсказуемыми порывами возничей-разумом, творили в рамках умозрения свободного от чувственного, эгоистического, мнимого измерения, то современность отказалась от этого, возведя на

Олимп мнение и свергнув сущности как таковые. Столь революционный перенос смысловых акцентов превратил философа в поэта, а его самость, незаметную в свете истины бытия на протяжении прежних эпох, в центральный момент философской системы. Оригинальность учения, забег за новизной и актуальностью опрокинули мышление и становление в истине, отдав ее на откуп прихоти индивида, возжелавшего быть единственным в мире, где все есть его собственность и нет места всеобщему.

Особая реальность, творимая в полутьме данного российского эквивалента агоры, самоотверженно из века в век сохраняла фундаментальные мифологические структуры спасительной истины от солнца рефлексии. Заняв пространство культуры и вытеснив все разнообразие расписных портиков, академий и ликеев, русский трактир с забытой на столе привезенной из Европы философской книжкой, создал традицию мысли и задал порядок проклятых вопросов о последних основаниях при полном невежестве в отношении предпоследних и, тем более, ближайших насущных вызовов. Именно постоянное место угощений и симпозионов русских мальчиков, благодаря суровому климату просторов и широте души их обитателей, не только стало единственно возможным и востребованным пространством свободного диалога, переходящего в изысканные интеллектуальные спекуляции, но и сформировало особую гносеологическую и экзистенциальную стратегию. Среди многочисленных достоинств/недостатков последней – сумбуренность рассуждений, срывающихся в тональность пьяных выкриков, навязчивые повторения и пришепетывания заплетающегося разума. Пропитанная духами и туманами, поэтика национальной модели познания принципиально отрицала противопоставление доксы эпистеме и с легкостью принимала проходящую мимо очередную незнакомку за пустынно-гностическую Софию Ахамот.

Сочетание этих элементов в сложных алхимических пропорциях сформировало особый жанр «русских разговоров» о пределах и истоках собственной культуры как последней онтологической реальности. Особую пикантность беседам о судьбах придавал тот факт, что все главные участники, научившись разыгрывать пару банальных мелодий на первой попавшейся метафизике, пытались внедрить плохо понятые умозаключения любого прочитанного текста в реальность за окном.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: Мысль, 2005. – 640 с.

2. Свасьян К. Растожествления. – М.: evidentis, 2006. – 533 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

Сведения об авторе

Бойчук Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.
E-mail: overbaring@mail.ru.

УДК 811.11-112

ББК 81в635

Болотова Е.В., Хазиахметова М.Г.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНОЧНОСТИ ЛЕКСЕМЫ «GOOD» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается лексема английского языка «good» на смысловом уровне. Представлены различные оценочные компоненты данной лексемы.

Ключевые слова: лексема «good», оценочность, типы оценочных значений, критериально-оценочные признаки, концепт.

Bolotova E.V., Khaziakhmetova M.G.

ON THE EVALUATIVITY OF THE LEXEME "GOOD" IN THE ENGLISH LANGUAGE

In the article the lexeme of the English language "good" is considered at a semantic level. Different evaluation components of this lexeme are presented.

Keywords: lexeme "good", evaluativity, types of evaluation meanings, criteria-evaluation characteristics, concept.

В зависимости от того, что именно подвергается оценке (поступок, моральное качество личности, взаимоотношения людей или социальная деятельность классов, состояние общества в целом), понятие добра приобретает форму более конкретных понятий – добродетения (благодеяния), добродетели, справедливости и др. Этика подвергает добро, как понятие морального сознания, теоретическому анализу, выясняет его смысловое содержание, природу и происхождение [4].